

Задания для 2 тура
Всероссийского конкурса профессионального мастерства,
посвященного 100-летию
Московского академического художественного училища

Академический рисунок:

«**Портрет с натуры**» (уголь, сепия, сангина, графитный карандаш, ретушь)
(формат А3, А2)

Академическая живопись:

«**Этюд портрета с натуры**» (холст/картон, масло) (формат А3, А2)

Скульптура:

эскиз на заданную тему на выбор: «**Студенты художники**», «**Революция 1905 года**» (глина, любой пластичный материал)

Графика:

«**Иллюстрация**» (карандаш, тушь, темпера, акрил) (формат А4-А3)

можно выбрать одно стихотворение и использовать его либо полностью, либо фрагмент из него (строка / четверостишие)

на иллюстрации должна быть информация (можно в качестве подписи внизу):

- стихотворение / фрагмент стихотворения
- год (1925)
- автор стиха

Графика. «Плакат»

(любой графический редактор) (формат А3)

можно выбрать одно стихотворение и использовать его либо полностью, либо фрагмент из него (строка / четверостишие)

на плакате должна быть информация:

- стихотворение / фрагмент стихотворения
- год (1925)
- автор стиха
- надпись "МАХУ 100 лет"

**Стихотворения для выполнения конкурсного задания в номинациях
«Графика. Иллюстрация» и «Графика. Плакат»**

Сергей Есенин

* * *

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.

Сад польшет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова "милый".

Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.

Принимаю - приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.

Мир тебе, голубая прохлада.

1925

Игорь Северянин

И будет вскоре...

И будет вскоре весенний день,
И мы поедem домой, в Россию...
Ты шляпу шелковую надень:
Ты в ней особенно красива...

И будет праздник... большой, большой,
Таких и не было, пожалуй,
С тех пор, как создан весь шар земной,
Такой смешной и обветшалый...

И ты прошепчешь: «Мы не во сне?..»
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целуя!

1925

Марина Цветаева

* * *

От родимых сёл, сёл!
— Наваждений! Новоявленностей!
Чтобы поезд шёл, шёл,
Чтоб нигде не останавливался,

Никуда не приходил.
В вековое! Незастроенное!
Чтобы ветер бил, бил,
Выбивалкою соломенной

Просвежил бы мозг, мозг
— Всё осевшее и плесенное! —
Чтобы поезд нёс, нёс,
Быстрее лебедя, как в песенке...

Сухопутный шквал, шквал!
Низвержений! Невоздержанностей!
Чтобы поезд мчал, мчал,
Чтобы только не задерживался.

Чтобы только не срастись!
Не поклясться! не насытиться бы!
Чтобы только — свист, свист

Над проклятою действительностью.

Феодальных нив! Глыб
Первозданных! незахватанностей!
Чтобы поезд шиб, шиб,
Чтобы только не засматривался

На родимых мест, мест
Августейшие засушенности!
Всё едино: Пешт, — Брест —
Чтобы только не заслушивался.

Никогда не спать! Спать?!
Грех последний,
неоправданнейший...
Птиц, летящих вспять, вспять
По пятам деревьев падающих!

Чтоб не ночь, не две! — две?! —
Ещё дальше царства некоего —
Этим поездом к тебе
Всё бы ехала и ехала бы.

Конец мая 1925

Михаил Исаковский

Попрощаться с теплым летом
Выхожу я за овин.
Запылала алым цветом
Кисти спелые рябин.

Всё молчит - земля и небо,
Тишина у всех дорог.
Вкусно пахнет свежим хлебом
На току соломы стог.

Блекнут травы. Дремлют хаты.
Рощи вспыхнули вдали.
По незримому канату
Протянулись журавли.

Гаснет день. За косогором
Разливается закат.
Звонкий месяц выйдет скоро
Погулять по крышам хат.

Скоро звезды тихим светом
Упадут на дно реки.
Я прощаюсь с теплым летом
Без печали и тоски.

1925

Владимир Набоков

Сон

Однажды ночью подоконник
дождем был шумно орошен.
Господь открыл свой тайный сонник
и выбрал мне сладчайший сон.

Звуча знакомою тревогой,
рыданье ночи дом трясло.
Мой сон был синею дорогой
через тенистое село.

Под мягкой грудюю колеса
скрипели глубоко внизу:
я навзничь ехал с сенокоса
на синем от теней возу.

И снова, тяжело, упрямо,
при каждом повороте сна
скрипела и кренилась рама
дождем дышавшего окна.

И я, в своей дремоте синей,
не знал, что истина, что сон:
та ночь на роковой чужбине,
той рамы беспокойный стон,

или ромашка в теплом сене
у самых губ моих, вот тут,
и эти лиственные тени,
что сверху кольцами текут...

1925 г.